

Маслова К.Л.

*Научный руководитель: к.ф.н., зав. каф. юриспруденции Л.В. Каткова
Муромский институт (филиал) федерального государственного образовательного
учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: ksemas15@yandex.ru*

К вопросу о соотношении административных правонарушений и преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

Проблематика незаконного оборота и потребления наркотиков в современной России продолжает сохранять крайнюю степень актуальности.

Система уголовно-правового регулирования в области противодействия незаконному обороту наркотиков с момента принятия УК РФ менялась неоднократно, что свидетельствует о поиске законодателем наиболее эффективной модели уголовно-правовых запретов, направленных на искоренение незаконного оборота наркотиков.

По мнению некоторых исследователей, значительную роль в предупреждении наркопреступлений должна сыграть декриминализация ряда норм УК РФ, в частности переводение части преступлений небольшой тяжести в разряд административных правонарушений а также легализация некоторых видов «легких» наркотиков по примеру США, где в последние годы в нескольких штатах произошла легализация немедицинского оборота каннабиса (Аляска, Вашингтон, Орегон, Колорадо) [3].

С представленным мнением нельзя согласиться, так как легализация отдельных видов наркотических средств будет означать исключение контроля за их оборотом и невозможность противодействия наркотизации населения. Декриминализация деяний, связанных с оборотом «легких» наркотиков, будет означать официальное признание государством отсутствия вреда обществу и государству от действий отдельных наркоторговцев, что ни в коем случае не соответствует реальности.

Что касается вопроса декриминализации некоторых норм УК РФ, то следует более подробно остановиться на проблеме соотношения административных наркоправонарушений и наркопреступлений.

Считается, что основным критерием разграничения административных правонарушений и преступлений является наличие либо отсутствие у деяния признака общественной опасности. Но для того, чтобы оценить степень общественной опасности действий, имеющих наркотическую направленность, в России используются формальные, четко фиксируемые критерии.

Так, некоторые наркопреступления и административные наркоправонарушения носят так называемый зеркальный характер. В качестве примера таких "парных отражений" можно привести статьи 6.8 КоАП РФ и 228 УК РФ, а также статьи 10.5.1 КоАП РФ и 231 УК РФ. Отличаются указанные деяния только объемом содеянного, т.е. в данных случаях разграничение преступлений и административных правонарушений происходит по достаточно формальному признаку. Например, если лицо культивирует для личного пользования 20 растений конопли (т.е. в крупном размере), то за это деяние ст. 231 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность, а если 19 растений (в размере менее крупного) - административная ответственность по ст. 10.5.1 КоАП РФ.

При этом стоит заметить, что в России не действует административная преюдиция по отношению к преступлениям и правонарушениям наркотической направленности, что значительно снижает превентивную роль административного и уголовного законодательства в данной сфере.

Кроме того, формализм подхода законодателя к разграничению ряда наркопреступлений и административных наркоправонарушений приводит к тому, что деяния, схожие с преступлением и обладающие при этом даже большей общественной опасностью, могут в определенных случаях признаваться административными правонарушениями[4].

Говоря же о тех составах административных наркоправонарушений, которые не имеют своего "зеркального отражения" в УК РФ, следует отметить их гуманность (излишнюю, по мнению ряда ученых). Так, законодатель, установив ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ в ст. 6.9 КоАП РФ, в примечании к этой статье предусмотрел освобождение от административной ответственности лица, добровольно обратившегося медицинскую организацию для лечения. Как отмечают многие исследователи, указанное примечание нередко используется как схема ухода от установленной законом ответственности[1].

Таким образом, в российском законодательстве имеются проблемы соотношения административных наркоправонарушений и наркопреступлений, это очевидно. Сомнительно, что декриминализация некоторых деяний наркотической направленности поможет их решить.

Показательным в данной области можно признать опыт Китая. Как известно, большинство азиатских стран относятся к государствам с крайне строгой карательной политикой в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, совершение наркопреступлений в Китае влечет за собой применение особо обременительных уголовных наказаний вплоть до смертной казни.

Интересным представляется тот факт, что в Китае уголовная ответственность за контрабанду, продажу, транспортировку и изготовление наркотиков наступает независимо от их количества[2]. То есть в КНР вообще не предусмотрена административная ответственность за сбыт и изготовление наркотиков, за подобные деяния граждан ожидают сразу меры уголовно-правового реагирования. Результаты говорят сами за себя: к 1950 г. в Китае насчитывалось около 20 млн наркозависимых, после введения смертной казни за продажу, исправительных лагерей и принудительного лечения – за хранение и употребление, число наркоманов стало сокращаться в геометрической прогрессии. При этом, по подсчетам экспертов, репрессивные меры коснулись лишь 10% наркозависимых. Остальные прекратили принимать и продавать наркотики из-за страха наказания и сильного общественного давления[5].

Разумеется, одномоментный переход к подобной системе регулирования рассматриваемой сферы будет встречен многими учеными отрицательно по причине жесткости такого подхода, в некоторой степени даже его радикальности. Избежать общественного потрясения поможет первоначальное введение административной преюдиции касательно наркоправонарушений и наркопреступлений. При этом основы государственной административно-правовой политики должны, конечно, соответствовать концепции уголовно-правовой политики.

Тем не менее, анализируя опыт восточноазиатских стран в борьбе с наркопреступностью, стоит отметить, прежде всего, что российское общество в условиях крайней степени обеспокоенности масштабами наркотизма в стране морально все-таки готово перейти к антинаркотической политике, схожей с проводимыми в странах с буддистской моделью и жестко реагирующей на все виды нарушений запретов в сфере противодействия нелегальному обороту наркотиков. Подводя итоги, можно сделать вывод, что обращение российского законодателя к позитивному зарубежному (в частности, китайскому) опыту борьбы с наркотиками пойдет на пользу отечественному законодательству.

Литература

1. Анисимов П.Е. Совершенствование административного законодательства как одно из направлений антинаркотической политики // Административное право и процесс. 2015. N 8. С. 58 - 61.
2. Анисифорова (Бучнева) М.В. Опыт стран Восточной Азии в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками // Административное право и процесс. 2016. N 11. С. 67 - 69.
3. Оноколов Ю.П. Расширение применения административной преюдиции повысит превентивное воздействие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации // Миграционное право. 2013. N 3. С. 11 - 15.

4. Федоров А.В. Соотношение административных наркоправонарушений и наркопреступлений: прошлое, настоящее и будущее // Административное право и процесс. 2015. N 1. С. 10 - 22.

5. Чернигин И.С. Уголовная политика зарубежных стран в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. N 3. С. 113-115.